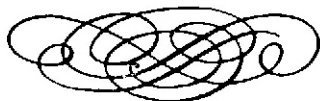

ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ

SIECLE DES LUMIERS

Москва — Париж
Издательство «Наука»
1970

Moscou — Paris
Edition «Nauca»
1970

Сборник «Век Просвещения» — первое совместное франко-советское издание, выходящее одновременно на русском и французском языках в Москве и Париже. На его страницах выступают известные французские и советские историки, изучающие один из самых ярких периодов в истории мировой культуры и общественной мысли — эпоху Просвещения. Сборник представляет особый интерес для читателя, ибо он посвящен живым образом малоисследованным аспектам истории Просвещения.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящее издание является одной из форм научного сотрудничества советских и французских ученых-историков. Сборник статей выходит под общей редакцией, на русском и французском языках, одновременно в Москве и Париже. По взаимному соглашению Редакция публикует статьи авторов, представленные каждой из сторон, без существенных изменений.

Редакция надеется, что настоящее издание будет началом последующего плодотворного сотрудничества советских и французских историков.

Редакционная коллегия:

Ф. БРОДЕЛЬ,
А. ГУБЕР,
А. МАНФРЕД,
Р. ПОРТАЛЬ,
М. ФЕРРО

Мишель Лоне

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ РЕБЕНКА из НАРОДА:
СЫН ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА (1712-1728)

Лев Семенович Гордон

ТЕМА «БЛАГОРОДНОГО РАЗБОЙНИКА» МАНДРЕНА
в ИДЕЙНОЙ ЖИЗНИ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Геннадий Семенович Кучеренко

ЖАН МЕЛЬЕ и ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XVIII века

Борис Федорович Поршнев

МЕЛЬЕ, МОРЕЛЛИ, ДЕШАН

Даниель Рош

УЧЕНЫЙ и его БИБЛИОТЕКА

Книги неперменного секретаря Академии наук,
члена Академии г.Безье
Жана Жака Дорту де Мэрана

Хачик Нишанович Момджян

ДИАЛЕКТИКА в МИРОВОЗЗРЕНИИ ДИДРО

Ж. Эрар

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ и РОМАН,
или ПАРАДОКСЫ ДЕНИ-ФАТАЛИСТА

Эдуар Лемэ

РОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ во ФРАНЦИИ:

Жан-Никола Деменье и изучение привычек и обычаев в XVIII веке

М. Дюше

МИР ЦИВИЛИЗАЦИИ и МИР ДИКАРЕЙ.
ОСНОВЫ АНТРОПОЛОГИИ у ФИЛОСОФОВ

Инесса Ивановна Сиволап-Кафтанова

ВОЛЬТЕР о ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ ПИСАТЕЛЯ

Виктор Моисеевич Далин

РУССО в ОЦЕНКЕ БАБЕФА

к 250-летию со дня рождения Руссо

и к 200-летию «Общественного договора»

Абгар Рубенович Иоаннисян

ФРАНСУА БУАССЕЛЬ и ИДЕЯ СОЦИАЛИЗМА
в ГОДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

См. монографию автора по теме:

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p83411267.htm>

Даниель Рош

УЧЕНЫЙ и его БИБЛИОТЕКА

Книги неперменного секретаря Академии наук,
члена Академии г.Безье
Жана Жака Дорту де Мэрана

Является ли библиотека отражением личности ее владельца? На этот вопрос зачастую можно ответить утвердительно. Индивидуальный характер, сообщенный библиотеке ее хозяином, может быть обнаружен историком, так как любое собрание книг раскрывает вкусы, интересы, увлечения и даже причуды. Историк в состоянии только уловить то внутреннее побуждение, которое некогда заставило владельца библиотеки не только прочесть ту или иную книгу, но и сохранить ее в своем собрании¹. Перечисленные в тщательно составленном торговом каталоге или в беглой и неумелой описи имущества, классифицированные опытным книжным экспертом и слабо разбирающимся в книгах клерком, эти давно прочитанные книги рассказывают сегодня об очень многом. Конечно, они теряли часть той жизни, которой они, казалось, жили в упорядоченной коллекции своих прежних владельцев, но взамен они обрели новую жизнь, совершенно непохожую, но интересную и еще до конца не изученную.

Книги старых библиотек рассказывают о большой и сложной работе идей в обществе. Они характеризуют не только индивидуальные, но и общественные взгляды и вкусы. При этом, конечно, необходимо соблюдать осторожность в выводах. Следует помнить, что чтение старинных книг имеет скорее относительное, чем абсолютное значение. Оно дает не столько точные сведения, сколько ориентиры для сравнения. Результаты такого исследования ценны скорее в сопоставлении с данными о других библиотеках,

См.: «Livres et Société dans la France du XVIII-e siècle», Paris, 1965 (A. Dupront. Postface).

чем сами по себе. Недостаточно подсчитывать книги, необходимо поразмыслить об их удивительной или, наоборот, об их судьбе².

Напрашивается следующее соображение. Обращаясь к количественной описи какой-либо библиотеки, мы имеем перечень книг, которыми владел ее хозяин, но не можем сказать, какие из этих книг он действительно прочел. Однако не забывая, что само по себе обладание книгой уже свидетельствует о вкусах ее владельца, ибо «прежде, чем приобрести книгу, трудно выбрать ее из множества других»³. Найти в собрании какое-либо сочинение — значит обнаружить какой-то этап его истории.

Бросается в глаза и другое обстоятельство. Любая библиотека имеет свою историю, всякое собрание подвержено неприятным изменениям. Смерть собственника может обречь книги на безразличное отношение или сделать их жертвой жадности наследников-продавцов. Ценность некоторого числа книжных сокровищ может быть потеряна, а остальные книги, представляющие меньший интерес, могут быть проданы, что отразится на их судьбе.

В нотариальных описях мы находим много примеров равнодушного или равнодушно-равнодушного отношения к культурному наследию. Инвентаризованные оптом дешевые романы, широко распространенные молитвенные книги, брошюры и тексты, не имеющие рыночной стоимости, красноречивы только своим количеством. Вкусы наследников или невежество человека, производящего инвентаризацию, могут оказаться непреодолимым препятствием на пути исследователя.

Однако иногда ученым помогает случай.

20 февраля 1771 г. умер в Лувре бывший неприменимый член Академии наук Жан Жак Дорту де Мэран⁴. 19 июля 1771 г. его наследница по завещанию г-жа Жоффрен пустила в продажу 3400 томов его библиотеки. Так как других наследников у де Мэрана не было, библиотека, каталог которой был составлен книжным магазином «Вдова Барруа и сын», была продана за 18 тысяч ливров⁵. Почему знаменитая хозяйка философа

решила продать библиотеку? Быть может, ей показалось, что это громадное наследство или библиотека не интересовала ее в силу своей научной специализации? Во всяком случае благодаря этому обстоятельству до нас дошли полные сведения о составе библиотеки Дорту де Мэрана.

Из мемуаров Башомона мы узнаем, что Дорту де Мэран был достаточно знаменитой личностью, для того чтобы его книги привлекли внимание на аукционе. Сам факт, что покупатель пожелал приобрести все собрание целиком, достаточно говорит о ее ценности. Это была библиотека одного из самых выдающихся людей науки и литературы, известного в национальном масштабе, а также в масштабе всей Европы, и современники не хотели, чтобы такая библиотека перестала существовать как единое целое. По мере ее исследования приобретает особое значение.

Библиотека является образцом коллекции, собранной в течение трех четвертей века — с тех самых пор, когда молодой провинциальный ученый приезжает в Париж, до момента его смерти. Дорту де Мэран и жизнерадостный старец, каким рисуют его мемуары Башомона, ведущий размеренный образ жизни, но всегда активный и общительный, он приобретал книги всю свою жизнь и прекратил покупать их только тогда, когда пришла смерть. В 1771 г. он еще успел приобрести только что появившуюся работу аббата Нолле об опытах.

Первый шаг к изучению библиотеки напрашивается сам собой: проследить, как хронологически формируется библиотека, устанавливая если не основные этапы ее создания, то по крайней мере основные слои ее состава в зависимости от дат издания, охватываемых на 97% работ⁶. В результате мы получим кривую, которая покажет нам не только в общих чертах, но и с достаточно большими подробностями типичную для того времени культурную ситуацию ученого — ее объем, место, которое занимают в ней знания, унаследованные от предшествующих поколений и, наконец, то, что происходит в ней пробелы.

Книги, полученные в наследство от родителей, не должны занимать в его библиотеке значительное место. В самом деле, если у Дорту де Мэрана и была семейная библиотека (а у нас об этом никаких сведений), то, переезжая в Париж, он, конечно, брал с собой только интересующие его книги. Хотя Мэран и

3367 работ только для 85 (т. е. 2,9%) дата издания не установлена. Для книг на латинском языке этот процент несколько выше — 3,5%.

² См.: A. Dupront. Op. cit., p. 213—215.

³ Там же, стр. 213.

⁴ «Mémoire de Bachaumont», t. V, p. 24. «Этот академик, известный всем научному миру Европы, в возрасте 91 года почувствовал большую слабость... Это вызвало серьезные опасения за жизнь старика, но все кончилось... Вечером 20 февраля 1771 г. де Мэран скончался в возрасте 94 лет. Он всегда вел размеренный образ жизни...»

⁵ Каталог библиотеки Дорту де Мэрана, изданный в 1771 г. в Париже, насчитывает 198 стр. Секретарь Академии г. Безье г-н Рос любезно сообщил мне его, и я пользуюсь случаем поблагодарить его.

был очень долго, практически до конца жизни, связан с Безье, стал настоящим парижанином, и его библиотека говорит о влиянии столицы, чем о влиянии провинции. Если библиотека свидетельствует о каких-то семейных традициях, то только те, которые отвечали его личным интересам и склонностям.

Итак, мы можем разделить книги, входящие в состав библиотеки, на несколько категорий. Мы в состоянии также определить, какое место занимают в каждой из этих категорий книги, исходя в том или ином крупном книгоиздательском центре. Если внести эти данные на карту, мы получим своеобразную «индивидуальную географию» каждой книги, причем, их перемещения покажут культурные связи в мире Просвещения. Место издания определено для 86% всех книг, вероятность ошибок минимальна.

Деление на большие категории⁸ и обычные рубрики не проводится, кроме того, и дополнительный раздел между книгами на латинском языке и на разговорных языках. У Дорту де Мэрана было 1200 книг на латинском языке и некоторое количество на греческом. Активное участие в научной жизни своего времени совершенно не означает отказа от традиций. Надо лишь уточнить, в каких традициях идет речь. Необходимо также учитывать, что на иностранных языках. Задачей данного исследования является попытка определить культурные вкусы и научную ориентацию Дорту де Мэрана, а также установить соотношение книг, содержащими старые, традиционные знания, и новые, находящимися на уровне последних достижений. Может быть, это исследование основано на несколько более узком круге данных, чем это обычно бывает. Хотя мы и не можем установить, было ли некоторое число книг расхищено до продажи, все же положительным фактором в этом отношении является относительно короткий срок, прошедший с момента смерти Дорту де Мэрана до продажи его библиотеки: около 3400 работ были тщательно инвентаризированы, а каталог отпечатан и пущен в продажу — это менее, чем за 4 месяца. Отсутствие прямых наследников, а также каких бы то ни было следов чисто любительской классификации также говорит за то, что коллекция сохранила свою ценность. Торговая стоимость собрания должна была возместить материально гарантии сохранности, вероятно, известной до продажи.

⁷ См.: «Bulletin de la Société Archéologique, Scientifique et Littéraire de Béziers. Deuxième série», t. II. Béziers. 1860 (далее — «Bulletin...»). Béziers, 1860; inédites de Mairan à Bouillet. Notice de M. Camp, p. 8, 9.

⁸ В данной статье мы пользуемся категориями, разработанными в XVIII в. в уже упоминавшемся сборнике «*Livre et société dans la France du XVIII-e siècle*».

Следуя осторожность в выводах, мы тем не менее можем считать, что сведения, которые дает нам изучение этого собрания, позволяют судить об интересах данного человека, а через него — о интересах той-то мере и общества. Дать описание книг Дорту де Мэрана — это, возможно, означает также «обнаружить» часть той «идеальной библиотеки», о которой мечтали ученые и писатели XVIII в. Кто был Дорту де Мэран? Почти полное его забвение сегодня контрастирует с той популярностью, которой он пользовался в свое время⁹. Достаточно хорошо известна его карьера, но намного меньше — он сам и его мысли¹⁰. А между тем его интеллектуальный и общественный путь заслуживает внимания¹¹. Интересно также попытаться, каким было его материальное положение, позволившее ему приобретать книги и на протяжении 60 лет создать такую библиотеку.

Прежде всего Мэран — провинциал, уроженец Лангедока, а его судьба — это судьба многих провинциалов. Он родился в 1678 г. в те времена ничто не предвещало его парижской карьеры. Он принадлежит к одной из тех буржуазных семей, которые медленно но неуклонно поднимались по социальной лестнице. Его семья является одной из самых старинных в г. Безье, а это означает, что, согласно традиции, начиная с XVI в. из нее выходит большое число нотариусов, прокуроров, адвокатов и советников в гражданском и уголовном судах. В конце XVII в. отец Жана Жака Дорту был адвокатом, владельцем дворянских земель — сеньории и фьефа; в конце этого, возможно, он получил дворянство¹². Д'Озье во всяком случае отмечает, что он претендовал на дворянские привилегии. Правда, нам неизвестно, как сам Дорту де Мэран относился к этому вопросу. Мы знаем только, что он дорожит «дворянским добавлением» к своему имени; вынужденный продать имение Пюи де Мэрана, он делает требуемые обычаям оговорки, позволяющие ему и преждему называться «де Мэран»¹³. Следовательно, в социаль-

Библиографические сведения о Дорту де Мэроне см.: «*Biographie Universelle Michaud*», t. 26; «*Dictionnaire des Lettres Françaises*». Paris, 1951; «*Le XVIII-e siècle*», t. 2; «*Grande Encyclopédie*», t. 22.

См.: Abbé Sabatier. *Eloge de Dortous de Mairan*. Montpellier, 1868; E. Camp. *Eloge de Dortous de Mairan*. Béziers, 1860; B. J. Duboul. *Dortous de Mairan. Mémoires de l'Académie de Bordeaux*. Bordeaux, 1862. См.: A. Ros. *Communication à la Société Archéologique, Scientifique et Littéraire de Béziers* (рукопись, любезно предоставленная мне автором). A. Ros. Op. cit., p. II—III.

Письмо Буйе от 16 июня 1730 г.: «Я забыл вчера поговорить с вами об имении Пюи де Мэран, которое я ношу и под которым известен. Само собой разумеется, что я не собираюсь от него отказываться после продажи земель, носящих то же название...» («*Bulletin...*», p. 189).

ном плане этот человек занимает промежуточное положение между «служилой» буржуазией и мелким дворянством. Эти заслуживают упоминания, однако не надо преувеличивать значение. В 16 лет, оставшись круглым сиротой, он покидает чтобы отправиться в Тулузу и Париж. В столице Лангедока получает гуманитарное образование, в столице королевства — естественнонаучное. Мы ничего не знаем об условиях его учебы. Но, быть, здесь уместно напомнить, что его семья была протестантского вероисповедания, что в конце XVII в. она перешла в католичество и что поэтому он пользуется покровительством монарха. Руссо, епископа Безье¹⁴, который видел в нем не только милое прилежное сироту, но и сына гугенотской семьи, вернувшегося из церкви.

К Безье его привязывают не только семейные и дружеские связи, но и необходимость управлять своим имуществом. Мэрана имеет дом в городе, небольшой участок земли под названием Трезорьер, часть которого называлась Пюи де Мэран, и в Сесеноне¹⁵. Дорту де Мэран никогда не будет выглядеть ком. У него есть имущество, незначительное конечно, но достаточное, чтобы обеспечить ему после смерти его матери регулярные доходы. Это мелкий собственник, который аккуратно платит¹⁶, заботится о своих «рантье» и беспокоится о судьбе оливковых деревьев¹⁷. Но вместе с тем чувствуется, что Мэран слишком стремится к приумножению своего состояния. Он гордится тем, что владеет землей, и не испытывает особой заботы о своих владениях, в которых никогда не живет и в которых избавится как только сможет. «В этих делах я ничего не понимаю... Я предпочитаю десять раз сходить на улицу Сен-Жермен для Вас, чем два раза — к приказчикам и банкирам. Мэран — это ученый, интеллигент, для него денежные вопросы имеют особого значения. «200 ливров больше или меньше не имеют большой разницы для моего состояния, как бы невелико оно было»¹⁹.

Конечно, Мэран отнюдь не сорит деньгами. Наоборот, он жется, чудесно соединяет практицизм, унаследованный от

семейной традиции, с несомненным великодушием и своего рода сознательным стремлением к скромности в быту. Неудобно иметь имущество, находящимся в двухстах лье от хозяина, и Мэран не хочет, чтобы арендаторы, пользуясь этим, его обманывали. Но он не алчный человек и не желает также слишком сильно давить своих должников. Когда ему не хватает денег, он пишет Буйе²⁰: «Я прошу Вас ни с чем не торопиться и никого не затруднять, чтобы прислать мне то, что мне причитается. Какую бы сумму в деньгах я ни испытывал, я, может быть, легче смогу выйти из положения, чем те, на кого Вы будете давить...» Известны и его многочисленные акты милосердия²¹.

Любопытно, что при этом несомненном бескорыстии финансовые дела в его переписке с Буйе занимают значительную часть: более чем в восьмидесяти письмах из ста говорится о деньгах. Однако в большинстве случаев речь идет не о его собственных интересах, а об интересах его друга²².

Дорту де Мэран — человек скромного достатка. Совершенно невозможно подсчитать его доход и определить точную сумму его состояния, но можно попытаться все-таки составить об этом некоторое представление. Он получает пенсию академика порядка 900 ливров и пособие от казначейства, приблизительно в 900 ливров²³, унаследовал ренту в 90 ливров с налогов и пошлин Монпелье, которую получал довольно нерегулярно²⁴. Из письма Буйе от 20 мая 1734 г. явствует, что у него была рента с городской ратуши Парижа²⁵. Таким образом, начиная с 1720 г. он получал в общей сложности доход по крайней мере в 2000 ливров. К этому добавляется около 800 или 1000 ливров, получаемых от земельных рент, которые служили обычно для уплаты налогов и повинностей²⁶. В 1729 г. он продает свое имущество в Сесеноне, а в 1739 г. — Трезорьер. Совершенно несомненно, что Мэран твердо

цит. по: E. Camp. Op. cit., p. 13.

Lettres de Mairan à Bouillet, 5.I 1764 et 28.IV 1765. — «Bulletin...», p. 212—213, 220.

В Париже Мэран получал для Буйе пособие, которого последний добился от королевской казны, и на эту сумму он ему покупал интересующие его книги. В Безье Буйе вел дела Мэрана, собирал ренту, контролировал «рантье», фермеров, и когда Мэран продавал свою собственность, то Буйе осведомлялся о возможных покупателях (см., например, письмо от 30.IV 1729 г. — «Bulletin...», p. 108).

Lettre de Mairan à Bouillet, 20.II 1727. — «Bulletin...», p. 74.

Lettre de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730. — «Bulletin...», p. 13.

Lettre de Mairan à Bouillet, 20.V 1734. — «Bulletin...», p. 140.

Lettres de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730, 20.V 1734, 30.IV 1729, 17.II 1737. — «Bulletin...», p. 108, 171.

¹⁴ См.: A. Ros. Op. cit., p. III—IV.

¹⁵ См.: E. Camp. Op. cit.; A. Ros. Op. cit., p. IV—V.

¹⁶ Lettre de Mairan à Bouillet, 17.II 1737. — «Bulletin...», p. 171.

¹⁷ Lettre de Mairan à Bouillet, 20.V 1734 et 17.II 1737. — «Bulletin...», p. 171.

¹⁸ Lettre de Mairan à Bouillet, 4.VI 1726. — «Bulletin...», p. 73.

¹⁹ Lettre de Mairan à Bouillet, 17.II 1737. — «Bulletin...», p. 171.

намерен избавиться от всех хозяйственных дел, требующих постоянных трудов и забот. «Мое намерение — освободиться от всякого бремени и забот»²⁷, — пишет он Буйе в связи с процессом, который начался в 1725 г. ведут против него жители общины Сесенона. Отказавшись от своих прав на получение пошлины, из-за которой этот процесс, он с удовлетворением напишет: «Я освободился от тяжкого бремени, хотя одновременно очень большого бремени...»²⁸ Продавая свои ренты и земельные владения, Мэран освобождает себя от забот, чтобы приобрести как можно большую свободу, хотя и проявляет при этом определенный цизм²⁹. Но вместе с тем не сказывается ли здесь смутное понимание того факта, что богатство земельного собственника и ученого несовместимы? В этом смысле очень показательны, цитированном выше письме от 1730 г. понятия «тяжкое бремя» и «большое богатство» поставлены рядом.

Необходимо также напомнить, что в доходах Дорту де Мэрану занимать место значительное место занимать побочные заработки. Известно, что ему покровительствуют регент и принц де Конти, которые поручали ему официальные миссии; в частности, в 1721—1722 гг. он должен был посетить западные порты и определить, какой из измерений емкостей является наилучшим. Наконец, канцлер Франции назначил его одним из руководителей «Газеты ученых» (*Gazette des Savants*)³⁰. Если прибавить к этому доходы, получаемые от его произведений, то видно, что его материальное положение совсем неплохим.

Что означало это жизненное благополучие? Несомненно, в этом случае речь идет не столько о финансовом процветании, сколько о свободе от материальных трудностей, об интеллектуальной независимости. Социально-экономическая позиция Дорту де Мэрана весьма характерна для ученых Франции в XVIII в. Мэран — это не Бюффон, не Лавуазье и не какой-либо другой выдающийся ученый. Положение Мэрана — это средний случай иллюстра-

²⁷ Lettre de Mairan à Bouillet, 30.IV 1729. — «Bulletin...», p. 108; Op. cit., p. IV.

²⁸ Lettre de Mairan à Bouillet, 3.VIII 1730. — E. Camp. Op. cit., p. 108.

²⁹ Lettre de Mairan à Bouillet, 30.IV 1729. — «Bulletin...», p. 108.

³⁰ Довольно трудно определить, какое жалование получал он на эту должность. Чтобы составить об этом некоторое представление, можно вспомнить, что аббат Арно и Сорель, возглавлявшие «Gazette de France», получали на этом посту 3000 ливров (см. «Mémoires de Bachaumont», t. I, 1788). Вопрос о доходах деятелей культуры — один из наиболее важных для социальной истории XVIII в.

зависимость ученых от сильных мира сего. Это «полубогатство» сопровождается безразличием к материальным мелочам и не сопровождается активной филантропией, возможной, может быть, только потому, что он унаследовал от своих родителей средний достаток. Но то, что достаточно для провинции, недостаточно для Парижа, и приходится получать от правительства или от меценатов из провинции³¹.

В конечном счете именно разрыв с первоначальной средой позволил Мэрану утолить свой «книжный голод» эрудита и ученого. Продавая недвижимое имущество, этот «необычный» парижанин не ботится главным образом о том, чтобы приобрести как можно больше денег, чтобы нужды Дорту де Мэрану только для того, чтобы жить ни в чем не нуждаясь и чтобы покупать книги и научное оборудование, составляющие часть его жизни. Постоянная переписка, которую поддерживает более пятидесяти лет со своим другом Буйе, в этом плане очень показательна.

Буйе поручает ему покупать за его счет в парижских магазинах книги, которых нельзя найти в Безье. Письма Мэрана — красное свидетельство циркуляции книг между столицей и провинциальными кругами провинции. Как видно при сравнении этой переписки с каталогом библиотеки Мэрана, парижанин обычно подает провинциалу те произведения, которые он уже приобрел для себя. По этим письмам мы можем восстановить картину повседневного быта парижской книжной торговли того времени и ее роли в обществе. Мы можем также проследить по ним изо дня в день интеллектуальную связь между двумя учеными. «Я был у Калье, который является единственным книгопродавцом, получившим из Англии «Оптику» г-на Ньютона и продавшим много экземпляров этой книги в Париже. Сейчас у него ее больше нет. Он сказал только, что должен получить эту книгу, и она уже в дороге. Я куплю ее, как только она появится, и направлю Вам путем, который сочту наиболее быстрым, так как я вижу, что Вы хотите получить ее как можно скорее. Я имею в виду второе издание этой книги, в котором дополнительно рассматриваются несколько проблем, в том числе делаются предположения о силе тяготения. Я полагаю, что Вы не захотите иметь первое издание. Впрочем, оно не слишком сильно отличается друг от друга, и я могу Вам всем подробно рассказать, так как 4 или 5 месяцев тому назад Ньютон прислал эту работу в Академию наук, и именно мне такое покровительство могло быть в какой-то степени косвенным. Например, Мэран продает свой Сесенон принцу Конти, а не жителю Безье. Возможно, Конти хотел тем самым оказать ему услугу.

поручено изучить ее и сделать о ней доклад»³². Этот выраженный и во многих отношениях интересный текст показывает отношение к книгам: их ждут, разыскивают, за ними охотятся, пытаются постоянную страсть к книгам, и в то же время являются рабочим инструментом и проводником знаний. Нечто спустя Мэран преподносит Буйе экземпляр долгожданной книги. Даже спустя 45 лет «то же самое нетерпение» охватывает двух друзей, теперь уже в ожидании астрономии Лаланда, что первый том уже издан и что второй, который в настоящее время подготавливается, вскоре выйдет. Я предполагаю, что будет прекрасная книга, я сегодня же буду говорить с ним об этом, а пока, по обыкновению, посылаю это письмо»³³.

Каждый год Дорту де Мэран покупает для Буйе на 100 ливров книг или научного оборудования у книгопродавцов парижских торговцев³⁴. Это относится в первую очередь к 1740 г., времени наиболее оживленной переписки³⁵. Особенно интересно отметить, что в некоторые годы вся пенсия Буйе — книги и оборудование. Логично предположить, что Дорту де Мэран мог затрачивать на покупку книг и инструментов большую часть своих доходов. Если он начиная с 1700 г. ежегодно тратил на них не менее 300 ливров, то его библиотеку коллекции следует оценить в 21 тыс. ливров. А продажная стоимость только библиотеки без коллекций и научного оборудования — 18 тыс. ливров. Традиционное «похвальное слово», произнесенное его преемником по Академии, гласило: «Он унаследовал в свое состояние и смог полностью посвятить себя науке». Буйе же, в данном случае это утверждение ближе к истине, чем мы думаем.

Среди ученых и писателей того времени (в так называемой «литературной республике») существует круг профессионалов, положение которых приближается к положению Мэрана. Это люди литературы и науки, заполняющие парижские высшие учебные учреждения, особенно Академию наук и Академию наук, которые работают в исследовательских коллективных учреждениях, например Королевской библиотеке, Королевском ботаническом саду, позднее — хранилище хартий. Иногда они руководят

журналами и литературными газетами. Некоторые преподают в коллежах, на факультетах или в семьях знати. Все они рассчитывают на пенсии и пособия от правительства. Для них наука и литература — профессии. Лично их мало кто знает, известны только их работы. Эти рядовые армии знаний заслуживают того, чтобы к ним проявила интерес. Показательно в этом отношении замечание, сделанное Монтескье в письме к президенту Барбо в 1742 г.: «Для Реомюров и Мэранов естественные науки пример — то же, что для субарендатора — земельный участок»³⁶. Богатые слуги из дворянства, знаменитости парижской и провинциальной литературы смотрят не без высокомерия на каждодневных работников науки. Вопрос о том, какое социально-экономическое положение занимают те, кто называет себя людьми умственного труда, является одним из наиболее важных для изучения среды, в которой находят распространение идеи Просвещения³⁷.

Наука, образование, литература являются зачастую не столько профессией, сколько способом заработать на жизнь или средством начать карьеру. С их помощью скорее добиваются более высокого социального положения, чем больших заработков³⁸. Ученому не хочется вести жизнь бедняка, но большие доходы тоже имеют положительные и отрицательные стороны. Положительные — это личная свобода, ибо доходы ученого позволяют ему улучшать условия своей работы. Отрицательные заключаются в том, что свобода мыслить и работать сопряжена с подлинной зависимостью³⁹ от правительства и сильных мира сего и влечет за собой жадность богатых и пенсий, которая проглатывает, например, в мемуарах Момона.

Таким образом, парижская карьера провинциала Мэрана довольно типична. Продвижению в Париже способствуют его успехи в провинциальных академиях. Он трижды награжден академией Бордо — в 1715, 1716, 1717 гг. В 1718 г. он вступает в научное общество г. Бордо, с которым поддерживает постоянные связи⁴⁰. Некоторое время спустя, он становится членом Академии наук⁴¹. В 1719 г. Мэран назначен геометром, получающим жалованье. В 1740 г. он должен был заменить Фонтенеля на посту секретаря академии, по

³² Lettres de Mairan à Bouillet, 26.XII 1719 et 12.IV 1729. — «Bulletin...», p. 30.

³³ Lettre de Mairan à Bouillet, 6.VI 1764. — «Bulletin...», p. 215.

³⁴ «Следовательно, я Вам должен 500 ливров, которые будут возмещены теми покупками, которые я для Вас здесь сделал...» Lettres de Mairan à Bouillet, 18.IX 1732, 20.V 1734, 10.II 1728. — «Bulletin...», p. 88, 120.

³⁵ 76 писем из 98 написаны в 1720—1740 гг.

ст. по: P. Barrière. L'Académie de Bordeaux. Bordeaux, 1951, p. 38.

ст. A. Dupront. Op. cit., p. 223.

ст. J. Proust. Diderot et l'Encyclopédie. Paris, 1964.

довольствие, которое мне доставила последняя милость г-на Перен-...» (см. Lettre de Mairan à Bouillet, 21.IX 1722. — «Bulletin...», p. 50).

ст. же, стр. 56—110; 225—350.

ст. P. Dorveaux. Les membres et correspondants de l'Académie Royale des Sciences 1666—1773. Paris, 1931.

в 1743 г. подает в отставку, потому что эти ответственные обязанности его обременяли. Высокая научная репутация позволяла ему в том же году стать членом Французской Академии. Императорская академия Санкт-Петербурга, Королевские общества в Лондоне и Эдинбурге, Королевское общество г. Упсалы, Институт в Болоньи и Руанская Академия заносят его в свои списки. Это повышает его международную известность⁴². Для Вольтера он — «бесный философ»⁴³. Он посещает лучшее парижское общество — Г-жа Жоффрен, граф Кейлюс дорожат его мнением⁴⁴. Он встречается с г-ном Мальзербом и «несколько раз имеет обедать у принца Конти»⁴⁵. Корреспондент Мальбранша Монтезке (несмотря на разногласия), соперник Бернулли пользуется неоспоримой известностью⁴⁶. Переписка, которую он ведет с Буйе, а также с просвещенными кругами г. Безье, представляет большую ценность для раскрытия глубоких привязанностей Мэрана и проблем, вставших перед ним в связи с его пребыванием в Париже.

Буйе, бесспорно, мечтает пойти по стопам своего старшего брата⁴⁷. Он просит Мэрана выяснить, можно ли устроиться в Париж, и Мэран сразу же берет на себя роль его советника и покровителя. Мэран никогда не будет стыдиться своей родины и своего происхождения. Обещание дружески помогать Буйе, как и наставления, которые он дает в 1718 г. в одном из своих первых писем, никогда ему не изменят⁴⁸.

Тому есть много примеров. В 1721 г. Мэран дает советы относительно его книги о чуме в Марселе. В течение 40 с лишним лет он следит за его работами, исследованиями, успехами. Он знакомит с работами своего друга парижские круги⁵⁰ и до

⁴² См.: A. Dupront. *Art et Société dans l'Europe du XVIII siècle*. Paris, 1965—1966, p. 33 et suiv.

⁴³ «Voltaire's Correspondence» («Correspondance Générale de Voltaire», Besterman. Genève, 1954... (Lettres N 208, 216, 556, 686, 1146, 1166, 1542, 1692, 2287, 2294, 2300, 2307, 2325, 2428, 3223, 3352, 3516, 3566, 9138, 11496). Всего 17 писем Вольтера Мэрану и 5 писем Мэрана Вольтеру. Мнение Вольтера о Мэране выражено в известной фразе: «Я знаю никого, кто умел бы глубже изучить вопрос и лучше его решить...»

⁴⁴ См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 19.II 1764. — «Bulletin...», p. 219.

⁴⁵ См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 13.II 1764. — «Bulletin...», p. 214.

⁴⁶ J. Moreau. *Malesbranche correspondance avec Dortous de Mairan*. 1947.

⁴⁷ См.: Azais. *Op. cit.*, p. 5. Буйе родился в 1698 г.

⁴⁸ См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 5.IX 1718. — «Bulletin...», p. 23.

⁴⁹ Там же, стр. 23, 25, 34, 35.

⁵⁰ См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 6.VII 1722. — «Bulletin...», p. 48.

его звания члена-корреспондента Академии наук⁵¹. Для Буйе просвещенных кругов г. Безье он — живое воплощение их преданий об успехе в столице. Мэран принял на себя роль вдохновителя, советника и покровителя. Для этого круга людей он в своем роде олицетворяет далекие парижские инстанции. В области литературы и науки он также хлопочет по делам, связанным с интересами жителей Безье, как это делает епископ в сфере религиозных, а иногда и светских дел, и как делают это некоторые представители дворянства и администрации в юридических или гражданских вопросах.

Так, в 1722 г. Мэран вместе с Буйе и каноником Порталоном⁵² участвует в создании Академии в г. Безье. В Париже он старается получить необходимые патенты. В письмах к Буйе он так пишет о своей Академии⁵³: «Но, скажу Вам честно, я не думаю, чтобы было необходимо публиковать все эти мелочи⁵⁴, и я хотел бы, по крайней мере для начала, чтобы вновь основанная Академия в Безье публиковала бы только все наиболее интересное и хорошо выполненное, так как репутация складывается из этих первых работ. Именно поэтому я не слишком тороплюсь с получением для себя патентов, ибо мне кажется, что их и так дают больше, чем следует. Что даст вам название «академия»? Сегодня все вокруг носит название, и оно способно скорее навлечь на Вас насмешки, чем вызвать уважение, если только оно не основано на каком-либо полезном открытии или работе, действительно достойной уважения. Зарекомендуйте себя в обществе и вы увидите, что вслед за вами и почетные звания и способные люди придут к вам сами со своими работами и принесут вам столько же уважения, сколько и пользы. Одним словом, я считаю, что надо отличаться от всех других академий, представляющих ничего или почти ничего и превращающих свою работу в пустую забаву, которую не следовало бы выставлять на обозрение широкой публики».

Внимательно наблюдая за возникновением множества провинциальных академий, Дорту де Мэран видит, в чем их назначение. Он противопоставляет «пустые забавы» узкого мирка провинциальной академии тому ожиданию научных открытий, с каким относилась к своим работам «широкая публика» в самой Франции, а также во всей Европе, он указывает провинциальным академикам на их задачи.

⁵¹ См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 23.V 1722. — «Bulletin...», p. 43—46.

⁵² См.: Lettre de Mairan à Bouillet, 1.IX 1727. — «Bulletin...», p. 79—80.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Речь идет об астрономических и метеорологических наблюдениях, сделанных Буйе и членами Академии г. Безье.

Отказаться от прежних, слабых и часто неуклюжих, научных ползновений, прекратить поток пустых речей, выработать язык в науке, который будет иметь вес в глазах парижской элиты и правительства, — таковы условия успеха. Мэран может дать своим друзьям из Безье гарантированного достижения успеха, он может только указать на трудности, возникающие в связи с расширением сети академий и сложными отношениями между столицей и провинцией.

Дорту де Мэран знает, что для завоевания научной репутации недостаточно труда и способностей. Важнее всего поразить общественное мнение и отличаться, а для этого надо быть «полезным», который надо понимать не в узком смысле слова, а в широком, «сделать нечто для подлинного прогресса науки или искусства»... Неудача Академии Безье (которую официально преуспели только в 1766 г.), отказ правительства предоставить слишком большому обществу право на существование хорошо вписывающейся в рамки поистине диалектических отношений между Парижем и провинцией. Окончательно преуспеть можно только в Париже, сначала надо отличаться в провинции. Позиция Мэрана позволяет понять, как парижские научные круги и правительство стремились в какой-то степени использовать и направить в нужном направлении деятельность провинциальных ученых. Политические и социальные изменения и возникновение новых идей идут здесь рука об руку. Парижская Академия Безье является как бы «коллективным вариантом» позиции Мэрана и Буйе.

В течение тридцати с лишним лет врач из Безье не отказывался от своих надежд на успех в Париже⁵⁵. Мэран терпеливо ждет, пока ему на трудности, связанные с таким переездом, на необходимость получить без неоспоримого авторитета или очень слабой поддержки место в Академии, на то, что не следует менять уже приобретенное (выгодная медицинская практика в Безье) на неопределенное (завоевание парижской медицинской клиентуры или, наоборот, проблематичное получение места в знатной семье или в государственном учреждении). Переписка Мэрана и Буйе показывает, насколько тяжелым был путь провинциальных талантов в Париж, каким зависимым и неопределенным является положение провинциальной литературы и науки, выходцев из мелкой провинциальной интеллигенции.

Социологическая картина всей этой среды ярко выступает в письмах Мэрана, бесстрастно обрисованных холодным и спокойным пером Мэрана, бесстрастно обрисованных

⁵⁵ См.: *Lettres de Mairan à Bouillet*, 2.X 1735, 25.II 1736, 20.IX, 19.XI 1736, 30.IV 1765. — «Bulletin...», p. 154, 159—160, 199, 219, 221.

постоянную борьбу, в которой складываются и рушатся репутации, где завоевывают и теряют места и покровительство. Одноименно свидетель и действующее лицо этой борьбы, Дорту де Мэран освещает в своих письмах каждодневную жизнь «литературной республики». Что же говорят его книги о нем, как об одном из представителей этой «республики»?

Библиотека Дорту де Мэрана дает возможность ответить на этот вопрос, имеющий большое значение: к каким источникам обращался представитель научного мира, чтобы приобрести нужные ему книги? По переписке с Буйе видно, что он почти ежедневно посещал книгопродавцов с улицы Сен-Жак, а по каталогу его книг можно установить имена не только книгопродавцов, но и издателей, как парижских, так и провинциальных, и тем самым — географию основных центров книгопечатания.

Очень долго принимали на веру утверждения судебных и полицейских чиновников того времени, а вслед за ними и историков о том, что книги, изданные за границей, были все более и более многочисленными. Руссо так резюмирует впечатления современников в письме к Мальзербу: «Таким образом, можно сказать, что в каком-то отношении потребление происходит во Франции, а производится в Голландии...»⁵⁶. Это влечение к иностранным изданиям, которому благоприятствует практика французского таможенного контроля, так сильно, что французские издатели и торговцы в Париже, Лионе часто маскируют свой собственный товар, указывая на титульном листе фальшивое место издания — Голландию или Швейцарию⁵⁷. Известно также, что крупные амстердамские издатели Крамер и Рей составили состояние на французских книгах⁵⁸. Таким образом, историк Ж. П. Белэн мог говорить, основываясь как на литературных сведениях, так и на свидетельствах частных лиц, о сокращении числа парижских изданий. Поль Азар и Даниэль Бюне блестяще показали, как с конца XVII в. возрастает значение иностранных книг в интеллектуальной жизни Франции⁵⁹.

Изучение библиотеки Мэрана рисует в значительной степени иную, можно сказать, противоположную картину. Можно ли говорить о том, что подавляющее большинство книг было издано за границей, когда из 3400 томов приблизительно 1800, т. е. 62 %, издано во Франции и 85 % из этого числа — в Париже? Нам могут

Correspondance Générale de J. J. Rousseau, ed. Dufour, Plan, t. V, p. 248 (5.XI 1760).

J. P. Belin. *Le commerce des livres prohibés à Paris*. Paris, 1913, p. 38—39.

См. там же, стр. 40—41.

См.: Paul Hazard. *La crise de la conscience européenne*. Paris, 1935, p. 77.

возразить, что эти средние процентные данные характерны для слишком большого периода — с конца XV в. до третьей четверти XVIII в., и если сгруппировать изданные за это время работы по хронологическому и по тематическому принципам, то данные для этих групп могут сильно отличаться от только что приведенных.

Однако проверка по хронологическому принципу показывает, что речь идет о почти постоянной величине, так как указанное соотношение сохраняется, с незначительными изменениями, для всего периода 1500—1770 гг. (около 59% — до 1650 г., до 65% — с 1650 по 1770 г.). Библиотека Мэрана представляет собой в большей своей части собрание французских книг, иностранные же книги никогда не превышают 40% от общего количества. Среди этих последних более систематическое исследование действительно обнаружило бы «замаскированные» французские издания, особенно многочисленные в XVII—XVIII вв., и тем самым еще более подчеркнуло бы численный перевес книг, издаваемых в пределах французского королевства. Если мы учтем, что данная библиотека — это научная библиотека среднего масштаба (наряду с более богатыми собраниями, не говоря уже о каталогах книг, издаваемых или библиотеками некоторых монастырей, похожих на современные публичные библиотеки), а данный человек, не являясь особенно крупной фигурой, был тем не менее типичным представителем «литературной республики», этот факт приобретает особое значение. Он вносит значительные поправки в гипотезу о введении французского книжного рынка иностранными книжниками и о сокращении числа французских изданий.

Посмотрим теперь, подтверждаются ли эти сведения при группировке книг по тематическому принципу, ибо если в таких областях, как религия, история и юриспруденция, преобладание французских изданий над иностранными является вполне естественным, то философские и естественно-научные труды, а также периодические издания могут дать нам совершенно иную картину.

В самом деле, процент французских изданий является самым низким в области прессы — 52%: на 12 французских газет приходится 11 газет, изданных за границей, главным образом в Голландии. В этом Дорту де Мэран является подлинным сыном своего века. Новости «литературной республики», газеты, которые издавал Леклерк в Амстердаме, де ля Рош — в Гааге, лейденский философский журнал и т. д. — короче, все основные европейские периодические издания, так же как и крупные французские газеты: 93 тома «Журналь де Саван» («Газеты ученых») за 1665—1770 г., «Меркюр», «Франс Литерер» — можно найти в его библиотеке. Мэран обильно черпал сведения из внушительного количества европейских периодических изданий; интересно отметить, что из 74% библиотечных наименований газет и журналов, вошедших в его библиотеку, 74% было издано после 1700 г., и среди них нет ни одного неизвестного. Кругозор Мэрана обогащается лучшими источниками информации и поэтому целесообразно рассмотреть, есть ли какое-либо соотношение между составом его библиотеки и местом, занимаемым каждой категорией работ на страницах «Журналь де Саван», который, если и не публикует их, то дает по крайней мере краткое резюме⁶⁰. В высшей степени любопытно отметить, что данный процент иностранных работ в его библиотеке более высок, чем среди книг, прорецензированных «Журналь де Саван» в 1715—1750 и 1750—1754 гг.: 48% к 44% и 20%⁶¹. Заслуживает упоминания также тот факт, что Дорту де Мэран покупал иностранные издания решительно по всем разделам науки, искусства и литературы того времени.

Процент книг, изданных во Франции, опускается ниже 50% только для книг по астрономии, среди которых примерно 14% издано в Германии, а на другие страны в среднем приходится 6%. Что касается всех других категорий, то доля французских изданий колеблется между 81% для книг по естественным и прикладным наукам и 54% — для книг по астрологии. Французские книги по истории достигают почти 70%, по праву и юриспруденции составляют 70%, по теологии — 52%, по политической экономии — 58%, по философии — 72%, по художественной литературе — 67%. В области естественных наук и искусства, занимающих более значительное место в специализированной библиотеке, где они составляют 48%, в астрономии — 50%, чем в области общей культуры или недавно появившихся разделов науки, физики и химии, — 42%, или в естественных науках — 37%.

Французский ученый Дорту де Мэран за весь период 1700—1770 гг. никоим образом не пренебрегает иностранными книгами, но более его интересы удовлетворяют главным образом национальные издания. Здесь появляется необходимость очень тонкого анализа содержания каждой категории. При рассмотрении такой важной категории, как естественные науки и искусства, занимающие первое место и среди книг и среди периодических изданий, средние данные имеют гораздо меньшее значение, чем детальные наблюдения, раскрывающие характерные склонности и конкретные интересы.

Ehrhard et J. Roger. Deux périodiques français du XVIIIe siècle. — *Revue de la littérature scientifique et société...*, p. 33—59.
там же, стр. 38—39.

интересы Мэрана. Ученый является, может быть, большим политиком, чем рядовой человек.

Французская и европейская карта изданий, содержащих библиотеку Мэрана, раскрывает также другие связи. Среди французских книг внушительное количество изданий утверждает первенство Парижа, как интеллектуальной столицы. До меньше книг издано в провинциальных городах, из которых имеют старинные издательские традиции (как Лион, Руан, Гавр и Страсбург), а в других книжное дело играет роль вспомогательную, то по крайней мере маловажную. Среди французских академических городов, как Ла Рошель, Бордо, Дижон, Оксер, Орлеан, Кан, Безье, Монпелье, Марсель, явно преобладают над другими. Поразительно, что «значительное» место — 260-ти провинциальных изданий — занимают книги из провинциальных районов Франции. Именно интерес Мэрана к математике, гидрографии, проблемам, связанным с морской техникой, ставляет его приобретать работы, издаваемые в Гавре, Рошфоре и Бордо. Он также внимательно следит за научной литературой, выпускаемой на юге Франции. Издательская деятельность — это география если не увлечений, то по крайней мере научных интересов. В ней находят место гуманитарные науки: медицина и естественные науки г. Монпелье, так же как математика и теология Страсбурга или атлантическое судоходство.

Что касается европейских изданий, то библиотека Мэрана, поражающая не только его личные интересы, но и традиционные научные связи) позволяет нам установить, где находились основные центры книгопечатания. На первом месте стоит Голландия (работ, т. е. 13% от общего числа книг), Амстердам занимает господствующее положение (203 работы), затем следует Гаага (78), Гамбург (75) и Роттердам (14). Преобладание книг, изданных в Объединенных провинциях, обнаруживается во всех областях: главным образом в области теологии (18%), права (16%), философии (15%), истории (13%), в меньшей степени — в области естественных наук и искусства, где цифры колеблются между астрономии и 17% для специализированных видов искусства: голландия — страна крупных юристов и крупных теологов, строителей, реплателей, конструкторов и гидрографов, инженеров и писателей. Это также страна, широко издающая философские труды, написанные за границей. Естественные науки, физика, химия, астрономия здесь менее популярны. Расцвет голландского печатного дела затмевает небольшое количество книг, изданных в немецких странах.

Остальные книги, изданные на европейском континенте, распределяются между тремя крупными географическими районами. Французские города дают 6%, сеть университетских и интеллектуальных центров Империи — 6%, Швейцарии — 5%. Города Северной и Восточной Европы составляют 0,4%, Испании — 0,1%. Немецкие книги — это на три четверти естественно-научные труды (125 из 175). Таким образом, в отличие от того, что утверждал Фонтенель и Вольтер, Мэран вовсе не относится отрицательно к германской науке. Впрочем, итальянские книги в большинстве своем также научные (152 из 188). То же можно сказать и о швейцарских изданиях (из 139 книг 85 научных). Европейская библиотека Мэрана является научной библиотекой более чем на три пятых. К английским книгам, представленным изданиями Лондона, Оксфорда и Кембриджа, и к шотландским (Эдинбург и Глазго) он подходит с теми же требованиями. Ни одной английской книги по биологии, ни одной работы по юриспруденции, 10 книг по философии, 4 — по политическим наукам и 11 книг по истории — на 128 трудов по естественным и точным наукам из 153-х английских книг (5,3% всех изданий). Более половины естественно-научных трудов касается математики и физики. Таким образом, британская наука серьезно конкурирует с германской.

Исследуя в рамках данной библиотеки то, что можно условно назвать географией книг, мы обнаруживаем и ряд дополнительных сведений. Поражает тот факт, что мы встречаем здесь названия отдаленных городов, откуда книги получать не так легко. Это практически все крупные академические, университетские или издательские центры: Венеция, Рим, Болонья, Неаполь, Флоренция, Милан, Франкфурт, Вена, Нюрнберг, Берлин, а также Парма, Монако, Лукка, Тревиза, Реджо, Писаро, Палермо и Марбург, Йена, Гамбург и, конечно, Гейдельберг, Тюбинген, Лейпциг и даже Санкт-Петербург и Прага. Будь то старые или современные книги, это только перечисление городов, в которых они изданы, говорит о том, что широкий обмен книгами между отдаленными географическими пунктами был стойкой и постоянной традицией. Возможно, это свидетельствует также о непрестанных усилиях Мэрана быть в курсе всех событий, происходящих в мире литературы и естественных наук. Наличие иностранных книг в библиотеке академической Мэрана в сочетании с французскими изданиями иностранных авторов говорит об интернациональном единстве литераторов и ученых. Но этот интернационализм менее значителен в области права, биологии, истории и литературы. География же более «молодых» и современных естественных наук, гораздо шире, чем география старых отраслей знания.

О чем говорят все эти сведения — о личных склонностях влияния среды? Известные исследования «Журналь де Саван» водят на мысль, что речь идет скорее о вкусах данного человека общества⁶². Но не сталкиваемся ли мы здесь в действительности с явлением совершенно иного характера? В 1703 г. Мэрану было 25 лет, его крепкое здоровье и долголетие позволяют ему пережить великий умственный переворот 50—60-х годов XVII в. Таким образом, его библиотека свидетельствует в одинаковой мере как о его старых вкусах, так и о новых привязанностях. Это человек XVII в. перед лицом эволюции XVIII в. Он обладает всеми своим временем, но ему присущи также интеллектуальные привычки и привычки прошлого, которые после 1750—1760 гг. в кругах «философов» новых поколений в гораздо большей степени являются историей, чем живой действительностью. Библиотека Дорту де Мэрана — прекрасный пример удивительного и волнующего явления: перехода от одной эпохи к другой.

Если распределить оставшиеся после его смерти 3400 работ к 1700 годам издания, можно легко увидеть, какое место занимало в его культурное наследие прошлых времен, а какое — современности. Книжки XVIII в., изданные в период 1700—1750 гг., составляют незначительное большинство — 53%, и 47% из них предшествующих 1700 г. Среди этих последних 9% было издано до 1600 г., 12% — до 1650 г., 22% — между 1650 и 1700 гг. Эти старые книги показывают нам человека века Людовика XIV, человека гуманиста. Хотя у Мэрана имеются редкие издания, но встречающиеся у книгопродавцов с улицы Сен-Жак, он не является крупным библиофилом. Он не любит «книгу ради книги»; роскошных изданий в пышных переплетах и с великолепными иллюстрациями, которые высоко ценятся во все времена и которыми охотились коллекционеры его эпохи, в его библиотеке нет.

Наличие среди книг по философии большого издания Савана, выпущенного в Базеле в 1515 г., в то время, когда уже появились четыре более поздних издания тех же самых произведений, не является, несомненно, нечто большее, чем простое любопытство к античности; видимо, Мэран хотел иметь для работы один из лучших текстов Эразма. Поставить на свои полки «*Harmonia mundi*» Платона издания 1619 г., «*Dialogus systemate mundi*» Галилея издания 1641 г., «*Discours*» Амбруаза Папе издания 1581 г., большие энциклопедические публикации Птолемея — все это нечто большее, чем любовь к редким книгам. Это — определенная интеллектуальная позиция, в которой ясно видно стремление постоянно обращаться

к оригинальным текстам, к первоисточникам и вера в необходимость критического сопоставления науки прошлого с открытиями настоящего. Книжки, собранные Дорту де Мэраном, должны быть исследованы и в этом ракурсе, а для этого необходимо сравнить общее содержание его библиотеки с содержанием каждого из крупных хронологических разделов.

Здесь возникает новая проблема. В то время как «Журналь де Саван» показывает явное охлаждение читателей к латыни, поскольку процент работ на латинском языке, прорецензированных его рецензорами, падает с 36% в период 1715—1719 гг. до 10% в период 1750—1754 гг.⁶³, Мэран остается верным старинному «проводнику»: 38% принадлежащих ему книг написано по-латыни; напомним, что большинство их было приобретено в период 1700—1750 гг. Расхождение между частным случаем и общей эволюцией не очень четкое. Между прочим, речь идет не о посредственных работах, это подтверждают названия. Здесь — наиболее известные авторы литературы, а также науки XVI и XVII вв. Мэран, который пользовался репутацией эллиниста, в то время как в его библиотеке можно обнаружить очень небольшое количество книг на греческом языке⁶⁴, является во всяком случае латинистом в своей повседневной практике.

Для истории культуры важно отметить тот факт, что из 1300 работ на латинском языке 70% издано до 1700 г., а среди этих 900 работ 19% выпущено до 1600 г. Это самый высокий процент для XVI в., так как книги на разговорном языке едва достигают в тот же период 4%. Только 23% книг на латинском языке было издано в период 1700—1750 гг. и приблизительно 5% — в 1750—1770 гг. Эти данные свидетельствуют о том, что преданность Дорту де Мэрана латыни является выражением привязанности к старинным знаниям. Однако он вовсе не консерватор, он не восстает против культурной эволюции своего времени, в которую входит и мас-

J. Ehrard et J. Roger. Op. cit., p. 38. Можно задать себе вопрос, чью позицию отражает этот факт — читателей или издателей.

У него есть «*Альмагест*» Птолемея на греческом языке, в издании 1538 г. Есть также одно издание на греческом языке Аристотеля, одно издание на греческом языке Плутарха. Можно предполагать, что более тщательное исследование названий и изданий позволит обнаружить среди книг, обозначенных в каталоге как латинские, несколько изданий на греческом языке. Мэран, несомненно, хорошо знает многих греческих авторов, особенно тех, чьи интересы в науке совпадали с его собственными, например Лукиана (три издания, одно из которых на греческом и латинском языках). Наконец, в области художественной литературы мы обнаружили около 20 греческих изданий. В целом, латинский язык преобладает над греческим (в библиотеке насчитывается не более 50 работ на греческом языке).

⁶² J. Ehrard et J. Roger. Op. cit., p. 39.

зовое сокращение латинских изданий, сменяемых изданиями на разговорном языке. Это человек, воспитанный в период, когда господству латыни не был еще нанесен удар, по-своему приспособляется к новым условиям. В то время как издатели и французские и европейские ученые отходят от латыни, Мэран продолжает приобретать латинские книги, как старинные, так и новые, необходимые для его работы и расширения культурного кругозора. 27 книг издано после 1700 г. и среди них находятся толстые немецких ученых, долго оставшихся верными латинскому языку, а также латинские издания, выпущенные в Италии, Англии и Голландии.

Если, судя по газетным отчетам, одновременно с уменьшением числа латинских изданий возрастала роль литературы на разговорных языках, то в библиотеке Мэрана мы такой картины не находим. Это — французская библиотека. Не более 60-ти работ на итальянском языке, около 20-ти — на английском, единственные работы на испанском подтверждают, что ни один из иностранных языков не конкурирует с французским. Опять-таки не потому, что Мэран относится враждебно к распространению знаний при помощи других языков. Просто у него нет в этом деле практического интереса. Все ученые первой половины XVIII в., он сталкивается с тем же значение национальных языков как средства передачи знаний, что и мы. Он старается, чтобы быть в курсе всех событий мировой науки, старается прибегать к французским переводам, если не может справиться с трудом на латинском языке. В одном из писем к Буйе, мы находим следующую фразу: «Вы очевидно сделали, что выучили английский, принимая во внимание обилие книг на этом языке. Я тоже взял несколько уроков английского языка, но весьма неприятно в преклонном возрасте составлять словарь. Тем не менее я могу пользоваться книгами по математике»⁶⁵.

Вот почему в его распоряжении имеются шесть изданий «Ньютона», одно из которых — на английском языке, три — на латинском и два — на французском. К ним присоединяются «Уроки по оптике», изданные на французском языке в Женеве. Весьма часто по интересующим его вопросам он покупал издания на национальном языке и его перевод на французском языке. Ньютона представлена в его библиотеке семью изданиями, два из которых женевские и одно — французское. Он присоединяет к этому «Il newtonism per le dame», выпущенный Альгаратти в Женеве, а также «Il saggio della filosofia d'Isaac Newton», пере-

с английского в 1733 г. в Венеции. Распространение разговорных языков приводит к расширению культурного горизонта и к концу одиночества, в котором, казалось, пребывали работы на латинском языке. Отныне книги сопровождаются переводами, среди которых французские занимают первое место. Именно они обеспечивают распространение современной книги. Парадоксальным образом устранение удобного некогда международного среднего горизонта каждой страны национальными рамками. Наконец, в результате этой эволюции смогло произойти более практическое и более глубокое знакомство с каждой культурой и каждой эпохой. Постепенно эпоха переводчиков приходит на смену эпохе библиофилов, и библиотека Мэрана показывает нам самое начало этого процесса. При внимательном ее исследовании представляется также, что резкое уменьшение роли латыни в повседневной практике ученых шло медленнее, чем в практике книгопечатания. Быть может, это изменение в значительной степени обусловлено превращением французского языка в универсальный язык литературы и дипломатии.

Для подтверждения данного факта необходимо, конечно, задать вопрос, являлись ли латинский и французский языки носителями той и той же культуры. Тотчас же захочется ответить отрицательно, опираясь на обычное доказательство, связывающее латынь с интеллектуальными интересами прошлого, с грузом традиций, с интересами над теологией, правом и юриспруденцией, а также с некоторыми другими отраслями знания, например медициной. Но в действительности эта схема не совсем верна. Для Мэрана, в частности, имеет мало значения, написана книга на французском или на латинском языке, главное, чтобы она отвечала его интересам. Именно это основное направление его библиотеки показывает ее количественный анализ.

Из 3400 книг приблизительно 65% составляют труды по естественным наукам и искусству. К этой категории относятся 72% книг на латинском языке и 62% — на разговорных языках. Книги по теологии, праву, художественной литературе и по истории составляют только 35% библиотеки (соответственно 5, 1, 13, 7%), юридические издания — всего 1,3%. В этом важном вопросе библиотека Мэрана отражает и даже опережает основную тенденцию XVIII в. В самом деле, исследования Ф. Фюре, а также Мэрана и Ж. Роже⁶⁶ показали, что на всем протяжении XVIII в.

65 F. Furet. La librairie du Royaume de France au XVIII-e siècle. — *Le livre et société*, p. 18—19, 23—24; J. Ehrard et J. Roger. Op. cit., p. 51, 54.

⁶⁵ Lettre de Mairan à Bouillet, 11.IX 1737. — «Bulletin...», p. 178.

доля естественных наук и прикладных знаний во французской книжной продукции неуклонно возрастала, не превышая, вплоть до 1784 г. 40%. Таким образом, данный раздел библиотечной Мэрана заслуживает особенно тщательного изучения. Это позволяет нам проследить сложную взаимосвязь между культурным уровнем человека, занятого повседневной научной работой, и культурным уровнем эпохи.

Прежде всего необходимо отметить два важных фактора — это то, что культурные интересы Мэрана не зависят от гностицистических средств. Процент работ на латинском языке тот же, между 38 и 43%, идет ли речь о книгах по праву, естественной литературе, о философии или естественных науках — опускается до 30% только тогда, когда речь идет о теологии — 27% — для книг по истории. Личные вкусы и, может быть, умственный характер культуры пренебрегают языковыми особенностями.

С другой стороны, процент книг по естественным наукам искусству одинаков, независимо от времени издания. 66% составляют работы, изданные в период 1600—1650 гг., 71% — работы, изданные в период 1650—1700 гг., 70% — книги пятидесяти лет XVIII в. и 72% — труды, появившиеся в 1750—1800 гг. Этот процент не опускается ниже 54% в период 1500—1600 гг. значительное уменьшение компенсируется увеличением числа работ в области художественной литературы. Таким образом, в библиотеке Дорту де Мэрана вся длительная история естественных наук и искусства и их огромный подъем в эпоху Просвещения объединены в единое целое. Культура человека науки формируется в процессе изучения достижений прошлого в избранной им сфере. В этом в глазах ученого, осваивающего культурное наследие, первоначальное значение той или иной работы может сильно измениться. Книга XVI-го, гуманитарного века, труд XVII-го, научного века в одно и то же время могли быть для Мэрана источниками старых научных представлений, отправным пунктом для критических размышлений и орудием пересмотра научной проблематики. Однако необходимо не забывать также о том, что восприятие значительной части культурного наследия свидетельствует о сомнительной широте взглядов. Член сообщества ученых и писателей своего времени, Дорту де Мэран стремится быть и наследником, и наблюдателем прошлой эпохи и одновременно наблюдатель и участник настоящего. Поэтому его библиотека, в которой перекрещиваются многочисленные темы и разные эпохи, показывает различные, но связанные между собой стороны его личности.

Мэран предстает перед нами как ученый, просто как добросовестный и ответственный человек, как философ и как христианин. Большое количество принадлежащих ему научных книг — почти половина, а в действительности даже больше, если учесть во внимание академические сборники и научные журналы — говорит о том, что самым главным для него была его деятельность как ученого. Его интересы группируются вокруг четырех основных полюсов: астрономия, физика, математика и науки о природе. Эти разделы охватывают 68% книг по естественным наукам искусству. Книжки по астрологии и алхимии, традиционно подсчитываемые вместе с научными книгами, составляют меньше 1% (только пятнадцать работ). Почти полное отсутствие работ по химии, хотя основные труды в этой области и представлены в библиотеке Мэрана, выражает несколько недоверчивое и осторожное отношение к той отрасли знания, которая полностью преобразуется только после 1770 г. Все говорит в пользу рационализма Мэрана. За некоторыми исключениями граница между рациональным и иррациональным мышлением ясно видна в выборе его работ. Несомненно, преобладание трудов, постоянно применяющих математику, со всей очевидностью доказывает, что он придавал большое значение точности научного метода⁶⁸. Такого рода детали показывают, что Мэран — рационалистическая позиция, опирающаяся на чрезвычайно разнообразную и глубокую культуру, приводит к постоянному стремлению применить данные науки к практической деятельности.

Многие считали, что в мире, заново осмысленном Ньютоном, Мэран придерживался устаревших картезианских воззрений. Его библиотека показывает необходимость если не полного пересмотра научного суждения, то по крайней мере нового прочтения его произведений и во всяком случае более тщательного анализа его интересов как ученого-физика⁶⁹. Все, что имеет отношение к физике, ускользает от его внимания. Он, если и не все прочел, то по крайней мере собрал и просмотрел основное в этой литературе — античной космогонии до сборников, дающих результаты по-

в общей сложности около тридцати книг. Сюда входят работы Лемюи, Барона, Бюхера, трактаты Малуена, Боме, Крю. Но нет сочинений Штала, Кирвана.

См. R. Lenoble. La représentation du monde physique à l'époque classique. — «XVII-e siècle». Paris, 1956, p. 5.

Работы по физике распределяются следующим образом. Общие труды — 43, трактаты о Вселенной — 50, элементы небесной механики, работы о движении, метеоритах, вакууме — 63, трактаты о движении Земли — 23, об электричестве — 22, оптике — 73, динамике и статике — 83, акустике — 15.

вейших экспериментов. Да, он читал Декарта и, конечно, с большим страстным увлечением, так же, как и других философов-картезианцев, ибо картезианство в дни его молодости было еще распространенным философским течением⁷⁰. У него есть произведения Гюйгенса и работы Рюо в оригинальном издании 1671 г. и в издании, прокомментированном Мак Лореном. Но все значительные произведения Ньютона, причем во многих изданиях. Еще более показателен тот факт, что в его библиотеке все материалы, касающиеся тех споров, которые вели друг друга в течение всей первой половины XVIII в. сторонники интуиции обеих систем. Тут и опровержение Ньютона Баннистера и опровержение опровержения, написанное Лантене, и «О философии Ньютона» Вольтера, и трактаты Фонтенеля, и «Математический договор» между Декартом и Ньютоном, опубликованный в Амстердаме в 1752 г. Одним словом, он не упускает буквально ничего из этой области. Физика аббата Молле, книги по электричеству, мышления о происхождении Вселенной, Декарт и Ньютон, теория и опыты, большие трактаты и мелкие произведения — все это вошло в состав его библиотеки. Если он защищает Декарта (по крайней мере, в своих первых работах)⁷¹, то не для того, чтобы отделиться от своей эпохи устаревшими идеями и книгами. Библиотека Мэрана неопровержимо свидетельствует о распространенных разнообразных идейных течениях в кругах Академии наук.

Как математик и астроном он ничего не изобрел, но в этих областях он собрал все основные работы. Нет ни одной важной проблемы в математике, которая не была бы представлена несколькими трудами. В своей работе Мэран прежде всего использует математику, поэтому у него есть не только необходимые труды этого характера, но сверх того и все, что касается математики того времени. К справочникам по математике и истории математики присоединяет философские работы, касающиеся математических проблем⁷², а также все старые и новые трактаты. Как и в философии

значительное место отведено науке эпохи Возрождения. Здесь представлены все крупные труды математиков XVI и начала XVII в. — О. Фине, Раме, Тартальи, Виета, Пеллетье, Виатора, Анджело, Кардано. Представлена также и античность — трудами Аристотеля, шестью изданиями Архимеда, восемью изданиями элементарной геометрии Евклида, одно из которых переведено на английский язык, пятью изданиями «Commentaires sur les coniques» Аполлония Персического. Как видим, Мэран проявлял интерес к истории развития математических знаний. Кроме того, создается впечатление, что он считал необходимым постоянно обновлять свои знания во всех отраслях математики⁷⁴. Он внимательно следит за развитием геометрии, математического анализа, теории вероятностей. Только по области дифференциального и интегрального исчисления в его библиотеке более пятидесяти работ: трактаты Саверьяна, Ньютона, чья теория флюксий представлена дважды, Меувентига, Крэнелла, Эйлера, Крузаса, Вивини, Бугенвилля. О конических телах он собрал более пятидесяти основных работ. Наконец, его интересует широкая область практического применения математики — планиметрия, практическая геометрия, финансовые расчеты. В частности, у Мэрана имеется шесть работ по расчетам процентов и таблицам, а также рассуждение о применении теории вероятностей к расчетам страхования⁷⁶. Учебники для землемеров, трактаты о методах измерения объемов (вопрос, в котором он был специалистом), исследования в области нивелировки несомненно свидетельствуют о его тесной связи с практикой. Здесь также четко проявляется интерес к обществу, в котором наука играла бы первостепенную роль. Известно, что члены Академии наук нередко брали на себя ответственность за выполнение ряда официальных миссий, так же как и за некоторые консультации по общественно важным вопросам⁷⁷. Неудивительно, таким образом, что среди книг по физике встречаются сборники, сообщающие сведения об устройстве различных машин, о технических приспособлениях мастера-флейтиста из

Работы по математике подразделяются следующим образом: общие труды, словари и т. д. — 14, старинная математика — 19, современная математика, общие положения — 70, арифметика и алгебра — 56, дифференциальное и интегральное исчисление — 54, геометрия, общие положения — 47, трактаты о линии и круге — 38, тригонометрия и логарифмы — 37, конические сечения и кривые — 44, прикладная математика — 30. Newton — Analyses par quantitat. Londres, 1711; Méthode des fluxions (non traduit). Paris, 1736; Méthode des fluxions (traduit). Paris, 1749. De parcieux. Essai sur les probabilités de la vie humaine. Paris, 1746. В 1721 г. он вместе с Вариньоном рекомендовал новый метод измерения объемов, который и был принят, несмотря на сопротивление комиссара Морского флота Деланда.

⁷⁰ См.: R. A. Watson. The downfall of Cartesianism. La Haye, 1966.

⁷¹ Чтобы иметь суждение о более позднем периоде его деятельности необходимо изучить труды Мэрана, написанные в то время, когда он уже членом Академии наук.

⁷² Например: Ozanam. Dictionnaire de Mathématique. Paris, 1691; rien, 1753; C. Beughe. Bibliographia Mathematica. Amsterdam, 1758; Montucla. Histoire des Mathématiques. Paris, 1758.

⁷³ De Crousaz. Réflexions sur l'utilité des Mathématiques. Amsterdam, 1715; Hagen. Méditations sur la méthode mathématique. Nuremberg (latin), 1734.

Вокзона, об опытах барометрических и термометрических измерений, о гидравлических приспособлениях в Италии и Голландии. С этой точки зрения очень показателен анализ книг по астрономии. Их — 292 работы. Половина из них освещает проблемы теории, а другая половина посвящена применению теоретических знаний на практике⁷⁸. Мэрану-астроному, наблюдающему Вселенную, необходимы не только специальные инструменты, но и книги: записи наблюдений, небесные атласы, статьи по астрономии. Книжки показывают нам человека терпеливых и точных наблюдений, расчетов и раздумий. Несомненно, Мэран — один из тех постоянных наблюдателей за ночным небом, которых было немало в век Просвещения и кому эти ночные бдения давали пищу для серьезных научных размышлений. Он интересовался всеми предметами — планетами, кометами, солнцем, луной, звездами, по каждому вопросу у него были подобраны и старые книги и лучшие из современных⁷⁹. Можно сказать, что в его библиотеке представлена вся история развития астрономии: здесь и книги Птолемея, астрономические афоризмы, географические произведения, касающиеся сферы; здесь и выдающиеся памятники астрономической революции XVI и XVII вв. — Тихо Браге («*Astronomiae instauratae mechanica*» в Нюрнбергском издании 1602 г., а также в издании Гиббонга 1610 г.), Коперник («*De Revolutionibus Orbium Coelestium*» в Базельском издании 1566 г.), Кеплер (три издания его фундаментальной работы о движении планет — «*L'Astronomia*» Галилея (полное собрание сочинений в издании г. Болоньи, появившееся в 1656 г., и оригинальное издание Саджиаторе на итальянском языке)⁸⁰, Гассенди (два издания «*Institutio Astronomica*» здесь, наконец, основные труды по современной астрономии Эйлера, Клеро, Даламбера, Монжиса, Лаланда. Все эти книги свидетельствуют о стремлении Мэрана осмыслить Вселенную. Но особенно любопытно, что такого рода теоретические труды перемешаны с работами о практическом применении астрономии, знающими крупными этапами в развитии мореплавания или производства часов. Отдаленный отзвук концепции Платона о микро-

⁷⁸ Труды по астрономии распределяются следующим образом: общие труды (учебники, пролегомены, трактаты о сферах) — 88, трактаты о планетах — 21, о солнце и луне — 26, о кометах — 20, о звездах — 14, заметки о наблюдениях, небесные атласы, памятные записки — 56, работы по применению астрономических сведений к навигации — 34, к другим делам — 28.

⁷⁹ Например, о кометах у него были труды Кеплера, Декарта, Бернулли, Клеро и др.

⁸⁰ У Мэрана имеются также два издания «*Dissertatio cum galilaei*» Кеплера (Прага, 1620, и Франкфурт, 1611).

космосе, это взаимопроникновение теории и практики, несомненно, прекрасно соответствует социальным функциям ученого в эпоху Просвещения. Речь идет не только о том, чтобы создавать астрономические теории, но и о том, чтобы лучше вооружить человека для покорения мира... Измерение времени, умение делить квадратные часы, искусство мореплавания, морская астрономия, умение определять долготу⁸¹ — все свидетельствует об этом. Вера в науку, желание добраться до сути вещей и иметь в своей библиотеке основные работы по каждой специальности: труды и при исследовании книг по естествознанию и медицине: работа по естественной истории, зоологии и ботанике, по геологии и минералогии и около 200 работ по медицине⁸². Среди них — труды и переиздания древних авторов — Плиния, Галека, Гиппократа, Авиценны. Труды современников⁸³ — Линней, Бюффон, Ламурьери, Жоффруа, Реомюр, Бонне, Гаруси, Спалланзани, Мопертюи, трактаты Боерхаава, Астриока, Ширака, Бартеса, «Элементы физиологии» Галлера, Гельвеция, Лियो — составляют собрание, которое не отказался бы настоящий специалист в этой области. Некоторые работы, например, работы Гельвеция, Мопертюи, Кортонна и Виллиса, показывают, что Мэран интересовался этими вопросами не как любитель. Исключительное место, отведенное своим трудам, соответствует одной из основных тенденций века⁸⁵. Когда Мэран начал составлять научную библиотеку, у него было, по-видимому, три побудительных мотива: иметь представление о научных достижениях прошлого (процент научных книг, изданных до 1650 г., колеблется между 11 % — для естественных наук и 28 % для математики), быть на уровне науки своего времени (в период 1650—1771 гг.) и собрать воедино описание разного рода технических приемов и методов, которые могут найти непосредственное применение на практике (в результате этого стремления чисто теоретические труды окружены в его библиотеке внушительной «свитой» из работ утилитарного характера). Книжки Мэрна в какой-то степени отражают настоящий исторический гуманизм естественных наук, глубокая связь которых со

Только по одной этой проблеме в библиотеке Мэрана есть десяток работ. Естественная история и общие трактаты — 23, ботаника — 23, геология и минералогия — 76, зоология — 49, медицина — 145, анатомия — 30, фармацевтика — 20.

Книгопродавцы обычно объединяли в своих каталогах книги по анатомии и физиологии с книгами по медицине. Подробное исследование показывает, что Мэран проявлял интерес к вопросам, особо волновавшим научные круги того времени (как, например, вопрос о магнетизме и др.). Сюда входят и труды верного друга Буйе: учебник медицины и книга по чуме.

Ehrard et J. Roger. Op. cit., p. 44.

всей историей человеческой культуры не мешает их применение в практических целях. Библиотека Мэрана говорит одновременно языком традиций и языком современности, объединенных оптимистической верой в общественную роль, которую призваны играть ученые. Здесь представлена вся научная культура века, и факт ясно показывает несомненное желание Дорту де Мэрана идти в ногу со своим временем. Другие разделы его библиотеки подтверждают это.

8% всего количества книг составляют работы по философии. Начиная с античности, представлены все основные имена: Платон (два издания, в их числе переизданное в Лионе издание Марка Фисина и некоторые отдельные работы, например «Республика» Аристотеля (три издания), все моралисты — Сенека, Эпикур, Фраст, Эпиктет, Марк Аврелий и Плутарх (восемь изданий). Первый взгляд нет ничего более конформистского, но следует заметить, что некоторые из этих текстов выбраны среди тех, дающих часто и комментарии, которые выходили в свет раз в эпоху критического отношения к традициям. Если он знает Платона, то Платона, изданного Фисином, если — Сенеку — в издании Гассенди. Особый характер этого выбора подчеркивает наличие многочисленных полемических книг, являющихся бы веками на пути развития этого критического направления. У него есть крупные произведения Эразма, полное собрание сочинений Бэкона, все, что только можно было получить из написанного Декартом, основные труды Лейбница, полное собрание сочинений Мальбранша и множество других полемических работ, также книг комментаторов и эпигонов⁸⁷, которые здесь просто невозможно перечислить. Можно ли пойти еще дальше в оценке идей? Как надо понимать наличие в его библиотеке основных изведений «либертинов» XVII в.? Ибо разве не находятся здесь одновременно Помпонацци, Шарон («Мудрость» и «Соображения Ноде («Апология великих людей»), «Cymbalum Mundi», ля Вейер, Гассенди и даже переписка братьев Дююи. Что думать об этом довольно примечательном собрании литературы эпохи «кризиса сознания» и в то же время о значительном занимаемом философией Просвещения? В самом деле, мы видим здесь, конечно, Бейля, Сен-Эвремона, Фонтенеля, но также Попа, Беркли, Кондильяка, Даламбера, Руссо, как и Вольтера.

⁸⁶ Они распределяются следующим образом: история философии — древняя философия — 49, современная — 72, логика — 15, мораль (в том числе древних моралистов) — 48, метафизика (только современные) — 94.

⁸⁷ Только одни «картезианские» тексты составляют 35 работ.

денборга. Означает ли это, что Мэран — эклектик, или подобный круг чтения действительно отвечает его основным интересам? Будем торопиться с выводами, но в самой этой его позиции нет ничего, что могло бы глубоко роднит Мэрана с его предшественниками «просвещенного либертинства»? Во всяком случае такое собрание книг говорит об отсутствии умственного застоя и о широте кругозора. Неудивительно найти в нем Монтэня (три издания), Гораздо более удивительно (хотя, возможно, здесь проходит граница, которую Мэран не хочет перейти), что в нем нет Спинозы (представлено только опровержение Спинозы отцом Лами), Гельмгольца (хотя его трактат «О духе» пользовался огромной известностью), Гольбаха (может быть, только под псевдонимом). Не возмущает ли ученого тому виной? Это возможно, хотя он не играет никакой роли для других дисциплин. Что остается несомненным, так это верность Дорту де Мэрана великой традиции европейской интеллигенции, зародившейся еще в XVI в: рационалистическому и критическому подходу ко всем вопросам. Опыт ученого подтверждает здесь опыт философа.

Все сказанное выше позволяет нам лучше понять, какое место занимают в его библиотеке книги по теологии и религии. Их у него около 5% от общего числа, из них только три молитвенника⁸⁸. Остальное состоит из произведений теологов и главным образом из священных текстов. В этом контрасте между чрезвычайно богатым библиейской литературы⁸⁹, произведений отцов церкви⁹⁰, трактатов и работ по истории и философии религии⁹¹ и крайне малым числом банальных благочестивых сочинений и молитвенников, сведенных здесь почти до минимума, виден если не теолог, то человек рода «христианский философ». Выбор изданий⁹², наличие полемических текстов Боссюэ, Фенелона, работ видных кальвинистов, Христианского института, дю Мулена, Амира, Жюрьена, Филлеса Морнэ и дю Перрона, Гроция и Арминия говорят о стремлении к сравнительному изучению. Познания Дорту де Мэрана в

Le trésor des prières de Ferrière. Paris, 1686; Les exercices de piété de Grisset. Paris, 1748; Un bréviaire Romsin. Paris, 1727.

Религиозные книги подразделяются следующим образом: святое писание — 89 (из которых 20 полных библий), отцы церкви — 28 (в это число входят произведения теологов и пророков), полемические сочинения — 53.

Филон, святой Василий, святой Фома, Николай Кузанский, Боссюэ, Фенелон, Массион, Паскаль. Сочинений святого Августина нет.

Ришара Симона, отца Лами, д'Анвиля, Асфельда, Астриюка, всевозможные словари и справочники.

Из 20 библий — 14 французских изданий (из них одно — 1545 г.), шесть голландских, женевских и английских изданий.

области теологии чрезвычайно широки и основаны на полемических трудах и сопоставлении различных точек зрения. Опыт философа присоединяется к опыту религиозного человека. Его интеллектуальная жизнь, его культура и даже сама вера питаются посредством текстами первоисточников, а также столкновением мнений ортодоксов и инакомыслящих.

Насколько можно судить по цифровым данным об организации библиотеки Дорту де Мэрана, ему был свойствен научный эмпиризм, вера в человека и приятие культуры своего века. Как у любого культурного человека XVIII в., у него был определенный минимум юридической литературы⁹³. Но книги о правах галльской церкви более многочисленны, чем собственно юридические сочинения. Право, кажется, интересует его лишь в той степени, в какой оно затрагивает религиозные или философские вопросы. Да и в добавление к книгам Монтескье и Мабли он покупает труды Питу и Дю Марсе. Любознательность Мэрана — это не любознательность юриста, а любознательность философа и критика. Широкий круг наук об обществе и даже агрономии носит в значительной степени иной характер⁹⁴.

Мэран не является знатоком агрономии, несмотря на то, что у него, как у всякого любителя, есть «*Rei Rustical scriptores*», «*Sons rustiques*», «*Théâtre d'agriculture*» и «*Le moyen de devenir riche*» Палисси. Мелкий земельный собственник, которого это шествие скорее обременяло, чем вызывало желание производить, Тюрбин и главным образом работы Дюамеля дю Монсо. В области экономики он собирает два типа работ: книги информационного характера, например экономический словарь Савари, справочники по финансам, статистические данные о количестве бракосочетаний, крещений и смертей; и, с другой стороны, разного рода очерки «*Рассуждения*» — Вобана (три издания Дима), Мелона, Дюто, Деланда, Дюпре де Сен-Мора, историю торговли шевалье д'Арка и книгу Юэ (Huet) на ту же тему. Круг его чтения широк. Просам экономики составляют книги, написанные еще до физиократов. Все эти труды пропитаны идеями меркантилизма, посвящены главным образом проблемам финансов, денежного

и торговли — одним словом, это книги современника «*Системы*» Джона Ло⁹⁵. В области собственно политики Мэран остается верен своему гуманистическому складу ума. XVI век представлен в его библиотеке прежде всего сочинениями Эразма, утопией Мора, работами Маккиавели: у него есть полное собрание его сочинений⁹⁶, «*Государь*» на латыни, «*Речи*» на французском языке и вольтеровский анализ «*Государя*». XVII век представлен только шестью работами, среди которых — Бальзак и Монтескье⁹⁷. Наконец, из книг своего времени Мэран выбрал работы аббата де Сен-Пьера, Юма, Рамсея, Мабли, он читал «*Общественный договор*» и сохранил несколько работ об отечестве, народе и духе патриотизма. Его библиотека объединяет идеи реформаторов, антимеркантистскую политическую мысль, старые гуманистические идеалы и эллинизм Маккиавели. Не следует смешивать этот эклектизм источников с эклектизмом мысли, так как Мэран почти никогда не прибегал к своеобразному «*книжному остракизму*», характерному для многих рьяных сторонников какой-либо определенной системы мышления. Стремление определить, каким должен быть «*идеальный*» человек, интерес к проблемам морали естественно приводят его и к проблемам воспитания. Наряду с другими произведениями Руссо у него есть «*Эмиль*» и опровержение «*Эмиля*» отцом Жердиелем, также проекты аббата Сен-Пьера, трактат Локка о воспитании, трактат Крузаса на ту же тему и план Шалота. В общем в этой области «*политики*» библиотека Мэрана составлена как из классических произведений, так и из современных. Он внимательно следит за появлением новых книг, но при этом сознательно сохраняет гуманистический характер своей библиотеки. Дорту де Мэран был, вероятно, скорее наблюдателем, чем реформатором; если он и вел в переустройство человеческого общества, то при этом тесно связывал социальные, политические и моральные изменения с силами, которые формируют целые цивилизации.

Заметное место, которое занимает в библиотеке раздел «*искусство*», отражает интерес академических кругов к этим проблемам. Из двухсот книг данного раздела четверть составляют академические сборники, представляющие разносторонний интерес. Значительная литература, которую Мэран собирал до последних минут своей жизни, дает нам представление о нем как о человеке, занимавшемся не только наукой, но и искусствами. Это нечто большее,

⁹³ 35 книг, из которых 10 — по церковному праву, 6 — по древнему праву, 10 — по современному гражданскому праву (Гроций, Монтескье, Мейер, Форме, Бекаррия и др.), 9 учебников и справочников.

⁹⁴ Книги этой категории подразделяются следующим образом: агрономия — 13, экономика — 15, политика — 21, общественные связи и воспитание — 35.

у него есть книга «*Secret du Système de Law*» (s. l.), 1721.

Machiavelli. Opere. Bâle, 1550.

Locke. Du gouvernement civil. Genève, 1724.

чем простое следование за модой, это определенный интеллектуальный выбор. Не случайно в его библиотеке академический «варвар искусств и ремесел» стоит рядом со своим «тезкой» — знаменитым созданием Дидро. Склонности и интересы Мэрана — это интересы той среды, в которой сформировался дух Энциклопедии. Они несут всеобъемлющий характер⁹⁹.

Не следует забывать, что Мэран был членом не только Академии наук, но и Французской Академии (т. е. занимался не только естественными и точными науками, но и проблемами языка и литературы). Его интерес к проблемам языка не случаен — ведь сам был человеком пишущим, хотя и не «законодателем вкуса» в этой области. Его эстетика и его литературная культура — культура классиков и гуманистов, но он был способен считать с духом времени. Мэран, кажется, довольно далеко продвинулся в исследовании всеобщей истории литературы, истории форм и языка. У него есть свои рабочие инструменты — 50 больших словарей¹⁰⁰ и лексических справочников, 60 грамматик и около 50 исторических работ¹⁰¹. Французский язык для него тоже необходим орудие работы, он любит и защищает его. Он хорошо знает историю, мых им авторов: крупных ораторов¹⁰², греческих и латинских сателлей¹⁰³, классиков французской и зарубежной литературы.

Это прежде всего светская история; книг по церковной истории менее чем 4%. Это история, опирающаяся на изучение документальных оригинальных текстов, хронологии, надписей, монет (16%). Это история, которая скорее история современности, чем древних времен, ее состав сознательно включаются не только близкие, но и далекие страны, благодаря введению в этот раздел темы путешествий и географических открытий. Весьма значительное место занимает здесь современная история великих европейских наций. Большая часть исторических работ — это новые издания: 62% книг изданы после 1700 г. Но это вовсе не значит, что история в библиотеке Мэрана смешивается с текущей политикой. История — вспомогательная отрасль науки, приспособленная к основным занятиям Мэрана. К работам Вольтера присоединяются здесь сочинения Жака де Ту и Паскье.

⁹⁸ См.: J. Proust. L'Encyclopédie. Paris, 1965, p. 7—46.

⁹⁹ Распределение книг этой категории следующее: сборники — 50, трактаты о естественных науках и искусстве — 13, о музыке — 23 (Мэран по высказываниям биографов, был музыкантом), живопись и скульптура — 25, архитектура — 42, специализированные виды искусства — 50 словарей, из которых примерно 20 латинских и греческих и десяти иностранных (итальяно-французский, немецкий, немецко-латинский, итальянский, испанский, фламандский, два английских), остальные французские.

¹⁰⁰ 60 грамматик, среди которых грамматика Пор Руаяль (2 издания), латинская, греческая, древнееврейская, грамматика Деморэ, Бугура, регара и т. д., грамматика итальянская, немецкая, фламандская, испанская, английская. По критике и эстетике — работы Доливе, Дюбуа, Бартоли. Отметим также очерк об иероглифах Варбуртона, изданный в Париже в 1744 г.

¹⁰¹ Аристотель, Демосфен, Квинтилиан и Цицерон (двенадцать работ), Гомер (8 изданий), Пиндар (4), Гесиод, Феокрит, Вергилий (7 изданий, среди которых издание аббата Делиля), Катулл, Овидий, Тибул, перций, Марциал, Ювенал. Именно здесь мы видим Мэрана-эллиниста, обладателя греческих и латинских книг. Назовем Гомера (4 издания, греческим текстом), Гесиода (2 издания), Пиндара (2 издания), Демона, Эсхила, Эврипида и Софокла, Феокрита и антологию эпиграмм, изданную Анри Этьеном в 1566 г. Разумеется, здесь есть также Платон и Платоний.

¹⁰² Мольер, Корнель, Расин, Лафонтен, Буало, Малерб, Ренье, Пибран, Гарнье, Ронсар, Реми Белло и Вийон, а из иностранных авторов — Данте, Ариосто, Тассо, Гварини, Галлер, Лессинг и Геснер.

обладание старых книг здесь бесспорно: только 48% художественной литературы издано после 1700 г. и среди них огромное количество книг-однодневок, не представляющих сейчас никакого интереса. Но это соотношение меняется от одного литературного периода к другому. Для речей знаменитых ораторов, а также произведений поэтов и драматургов оно меньше, чем для романов и критических трудов¹⁰⁵. Говоря об иностранной художественной литературе, следует отметить, что здесь на первом месте стоит Италия (примерно десяток книг) — она представлена Гольдони, Данте и другими поэтами XVI в.; Германия представлена современными поэтами, Испания — «Дон Кихотом», Англия полностью отсутствует. По-видимому, этот выбор также свидетельствует о любви к классической культуре. По-другому обстоит дело с историей, где примерно столько же, но группируются они совершенно

Это прежде всего светская история; книг по церковной истории менее чем 4%. Это история, опирающаяся на изучение документальных оригинальных текстов, хронологии, надписей, монет (16%). Это история, которая скорее история современности, чем древних времен, ее состав сознательно включаются не только близкие, но и далекие страны, благодаря введению в этот раздел темы путешествий и географических открытий. Весьма значительное место занимает здесь современная история великих европейских наций. Большая часть исторических работ — это новые издания: 62% книг изданы после 1700 г. Но это вовсе не значит, что история в библиотеке Мэрана смешивается с текущей политикой. История — вспомогательная отрасль науки, приспособленная к основным занятиям Мэрана. К работам Вольтера присоединяются здесь сочинения Жака де Ту и Паскье.

Соединение количественного метода с более тонким и более глубоким исследованием вкусов владельца библиотеки позволяет выявить общие тенденции. Несомненно Жан Жак Дорту де Мэран — подлинный представитель века Просвещения. Это подтверждает и то место, которое занимают среди его книг естественные науки и искусство, а также широкий круг его интересов. В его библиотеке — библиотеке ученого, философа и человека большого таланта — широко представлена современная ему эпоха. Она отражает веру ученых в практическую пользу наук. В ней видны тер-

Среди них фенелоновский «Телемак», аббат Прево, Мариво, «Персидские письма» Монтескье, а также «Перуанские письма» и «Галантные письма», Сервантес, — но в то же время и Скэррон, «Сон Полифила», «Золотой осел». Наконец, у Мэрана имеется первое издание «Новой Элоизы».

пимость и рационализм, свойственные тому времени. Стоит протянуть руку к книжным полкам, и эти книги предоставят людям возможные аргументы, сведения, свидетельства, уроки и методы. Собирая воедино опыт прошлого и стремления настоящего, библиотека Мэрана даст нам представление об общественном престиже социальной роли ученого и литератора того времени. Но этому человеку, терпеливо коллекционирующему книги, составляющие жизнь и жизнь его друзей, на заре века было двадцать лет. Со временем ценности и представления его эпохи сильно менялись и провалились, и он лучше, чем кто-либо другой, мог участвовать в изменениях. Не отсюда ли берет начало увлечение самыми разнообразными культурными традициями? Мэран — ученик иезуитского воспитанник университетов, один из сорока защитников чистоты языка, является наследником греко-латинских гуманитарных наук и взглядов классиков. Картезианец по образованию, этот академик внимательно читает Ньютона. Деятель современных ему общественных наук и искусств, он в то же время внимательно изучает наследие первых гуманистов. Его библиотека великомерно исследует проблему смены поколений в интеллектуальной жизни общества, так же как и проблему синтеза различных точек зрения, причем эти данные относятся не только к Мэрану, а характерны для всей эпохи. Столкновение различных мнений, которое мы видим в этой библиотеке, не может быть случайным. В собрании книг, которому в большей части придан светский характер, не случайно сводит «либертинов» XVII в. с протестантскими писателями и философами. Не случайно апологеты стоят рядом с критиками отцы церкви — с «еретиками». Здесь могла сказаться и семейная традиция, невзирая на обращение в католичество. Стремление постоянно подвергать сомнению перешло из области естественных наук в другие отрасли знания. Дорту де Мэран, представляющий парижские интеллектуальные круги, но всю свою жизнь внимательно наблюдающий за культурной жизнью провинции, испытывает такой же степенный выражает беспокойство и сомнения мира священника, как и его достижения и победы.

Некоторые тематически связанные материалы

Л.-С.Мерсье. Картины Парижа

Читатели Руссо откликаются - глава из книги Р.Дарнтон «Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры»

**М.Разумовская. "Читать любит?"
О проблеме книги во Франции 18 в.
и в романе Гончарова "Обрыв"**